

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ**

СОЛНЦЕ для МЕРТВЫХ ГЛАЗ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
P39

Ruth Rendell

A SIGHT FOR SORE EYES

Copyright © 1998 by Kingsmarkham Enterprises Ltd

Ренделл, Рут.

P39 Солнце для мертвых глаз / Рут Ренделл ; [пер. с англ. М. Павлычевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 512 с.

ISBN 978-5-699-79555-0

Тедди родился в нищете и всю сознательную жизнь пытался добиться успеха. Теперь он талантливый краснодеревщик, мечтающий очистить мир от уродства и безвкусицы. Гарриет — когда-то яркая женщина, теперь развлекающаяся тем, что вызывает к себе на дом молодых ремонтников и склоняет их к сексу. Франсин — студентка колледжа, которая в детстве пережила жуткое зрелище убийства своей матери, а теперь пытается вырваться из-под опостылевшей опеки своей мачехи. Казалось бы, что может связывать этих людей? Тем не менее судьба самым причудливым образом свела их вместе, под одной крышей — причем один из них должен умереть...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79555-0

Снова посвящается Дону

Глава 1

Им предстояло держаться за руки и смотреть друг на друга. Пристально, глаза в глаза.

— Это не позирование, — сказала она. — Это пытка. Почему я не могу сесть к нему на колени?

Он рассмеялся. Что бы она ни говорила, все смешило его или приводило в восторг, все в ней — от темно-рыжих выующихся волос до крохотных ножек — пленяло его. Инструкции художника состояли в том, что Марк должен смотреть на нее так, будто влюблен в нее, а она — будто боготворит его. Это было легко и естественно.

— Не глупи, Гарриет, — сказал Саймон Элфетон. — Но какова идея! Вы когда-нибудь видели картину Рембрандта под названием «Еврейская невеста»?

Они не видели. Саймон описывал им ее, делая предварительные наброски.

— Это очень нежная картина, на ней изображена покровительственная любовь мужчины к юной покорной жене. Оба они, по всей видимости, состоятельные люди, оба в богатых одеждах, но с первого взгляда видно, что они чуткие и заботливые и что любят друг друга.

— Как мы. Состоятельные и любим друг друга. Мы похожи на них?

— Ни капельки, и вряд ли вы захотели бы походить на них. Представления о красоте сильно изменились.

— Можешь назвать ее «Рыжеволосая невеста».

— Она тебе не невеста. Я назову картину «Марк и Гарриет на Оркадия-плейс» — как же иначе? А теперь помолчи немного, хорошо, Марк?

Те, кто разбирался в подобных вещах, называли бы дом, перед которым они стояли, «георгианским коттеджем», построенным из красного кирпича «ручной формовки». Но сейчас, в середине лета, почти вся кладка была спрятана под плотной завесой дикого винограда; его зеленые блестящие листья подрагивали от легкого бриза. Ветер то и дело поднимал рябь на этом вертикальном море зелени, и тогда казалось, что дрожит и шелестит весь дом.

Саймон Элфетон обожал стены — из кирпича, песчаника, из дерева и валунов. Когда он писал «Кам Хитер» у здания студии на Хэнгинг-Сворд-элли, то разместил музыкантов на фоне бетонной стены, заклеенной постерами. Едва увидев, что у дома Марка есть одна стена из живых листьев, он тут же захотел запечатлеть ее, ну и Марка с Гарриет тоже, естественно. Стена сияла различными оттенками зеленого, на Марке был темно-синий костюм с узким черным галстуком, а Гарриет была в красном.

Когда придет осень, виноградные листья окрасятся в тот же цвет, что ее волосы и платье. Потом они побледнеют до золотистого, затем — до бледно-желтого, опадут и станут помехой при ходьбе, по-

крывая мощеную, ограниченную живой изгородью площадку и весь задний двор слоем в несколько дюймов. Взорам снова откроется кирпичная кладка стен и делящие ее на секции деревянные балки, которые, по всей видимости, являются имитацией. А весной тысяча девятьсот шестьдесят шестого года на ветках появятся крупные бледно-зеленые почки и заново начнется лиственный цикл. Саймон размышлял об этом, рисуя листья, волосы и плиссированный шелк.

— Не делай этого, — сказал он, когда Марк наклонился вперед, чтобы поцеловать Гарриет, и одновременно потянул ее к себе. — Неужели ты не можешь оставить ее в покое хоть на пять минут?

— Трудно, дружище, очень трудно.

— Я хочу передать нежность, а не похоть. Ясно?

— У меня нога затекла, — сказала Гарриет. — Можно сделать перерыв, а, Саймон?

— Еще пять минут. Забудь о ноге. Смотри на него и думай, как сильно ты его любишь.

Она смотрела на него, а он — на нее. Правой рукой Марк держал ее за левую руку, и их взгляды были долгими и полными любви, а Саймон Элфетон писал их, запечатлевая в саду на фоне коттеджа «Оркадия» если не навсегда, то на очень длительный срок.

— Может, я куплю ее, — уже позже сказала Гарриет, одобрительно глядя на изящные контуры своего лица и фигуры.

— На какие шиши? — Марк поцеловал ее. Его голос звучал нежно, а вот в словах нежности не было. — У тебя нет денег.

Вспоминая тот день, Саймон Элфетон думал, что то было началом конца, а уродливый червь, до этого прятавшийся в бутоне, вылез наружу и, извиваясь, пополз меж цветами.

Глава 2

Однажды в субботу — день был промозглым — Джимми Грекс и Элейн Таунтон отправились на автобусную экскурсию в Бродстейрс. Было лето тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Это совместное путешествие было для них первым. Раньше их времяпрепровождение — Элейн называла это «светской жизнью», а Джимми никак не называл — ограничивалось походами в «Белую Розу и Лев» и периодическими чаепитиями в доме матери Элейн. Однако у паба сменилось руководство, и для завсегдатаев по выходным стали устраивать особые мероприятия. Экскурсия в Бродстейрс и была одним из таких мероприятий.

Шел дождь. Резкий северный ветер свирепствовал вдоль всего побережья в Суффолке, Эссексе и Кенте, — вероятно, он выдыхался только на подходе к Нормандским островам. Джимми и Элейн сидели под навесом на набережной и утоляли голод прихваченными из дома сэндвичами. Они закупили разноцветных карамельных палочек и тщетно пытались в подзорную трубу разглядеть берег Франции. А когда приблизилось время вечернего чая, решили, что пора съесть полноценный обед, и отправились в ресторан «Поплуэлл», расположенный в приморской части города.

Как и множество ресторанов и кафе того времени, «Попплуэлл» не имел лицензии на продажу спиртного, а Джимми безумно хотелось выпить. Ему пришлось удовольствоваться чаем, так как пабы открывались только в половине шестого. Но даже когда они справились с яйцами, жареной картошкой, горошком и грибами, а также с яблочным пирогом, десертом из заварного крема и кексом Данди, им предстояло убить еще полчаса времени. Джимми заказал себе еще один чайничек чаю, а Элейн пошла в дамскую комнату.

Это было крохотный, грязный — типично для того времени — чуланчик без окон и с единственной кабинкой. Раковина едва держалась на закрепленных на стене кронштейнах. Мыла, полотенца, пусть и бумажного, и даже примитивной сушилки для рук, естественно, не было. Один из кранов тек. Из кабинки вышла женщина, и туда зашла Элейн. Из-за дверцы она услышала, как сначала пожурчала вода, а потом закрылась входная дверь.

Элейн не собиралась мыть руки. Она помыла их еще утром, перед отъездом из дома; кроме того, в туалете не было полотенца. Однако оглядела себя в потрескавшееся зеркало, слегка взбила волосы, выпятила и растянула губы. Увлеченная всем этим, она все же обратила внимание на полочку под зеркалом. В центре лежало кольцо с бриллиантом.

Наверное, женщина, которая была здесь до нее, сняла его, чтобы помыть руки, и забыла. Вот к чему может привести слишком частое мытье рук. Элейн не разглядела женщину, заметила только, что она сред-

них лет и одета в дождевик. Она устремила взгляд на кольцо. И взяла его.

Даже полный профан, тот, кто плохо разбирается в драгоценностях и не умеет на глаз оценивать их, сразу распознал бы настоящее бриллиантовое кольцо. Конкретно в этом был солитер с двумя сапфирами, по одному на каждой накладке. Элейн надела его на правую руку, и оно село, как будто было сделано для нее.

Нет, выходить из туалета с кольцом на руке нельзя, это плохая идея. Она сунула его в сумку. Джимми ждал ее, докуривая уже тридцатую сигарету за день. Одну он дал Элейн, и они отправились в «Якорь», где он выпил пинту горького пива, а она — полпинты сидра. Через какое-то время она открыла сумку и показала ему бриллиантовое кольцо.

Ни одному из них не пришла в голову идея отнести кольцо в ресторан, отдать управляющему или сдать его в полицию. Что упало, то пропало. Зато других идей в их головах было предостаточно. Вернее, одна общая идея. Элейн снова надела кольцо на палец, правда, на этот раз — на средний палец правой руки, и выставила руку с растопыренными пальцами перед Джимми, демонстрируя его. И вообще, с какой стати ей его снимать? Она не сказала это вслух, но мысль каким-то образом передалась ему.

Он купил вторую пинту горького пива и пакет чипсов, вернулся к столику и сказал:

— Можешь оставить его себе.

— Серьезно? — Ее голос звучал неуверенно. Она понимала всю серьезность и трепетность момента.

— А еще можешь считать себя помолвленной, — сказал Джимми.

Элейн кивнула. Она не улыбнулась. Ее сердце глухо стучало в груди.

— Ну, если ты так считаешь.

— Я уже подумывал об этом, — сказал Джимми. — Собирался купить тебе кольцо. И не рассчитывал на то, что подвернется это. Я еще выпью. Тебе принести сидра?

— Почему бы нет? — сказала Элейн. — Праздновать так праздновать. И дай мне еще одну сигаретку.

Вообще-то до настоящего момента Джимми не думал о помолвке. Он не собирался жениться. Зачем ему жениться? У него есть мать, чтобы ухаживать за ним, и брат; матери всего пятьдесят восемь, ей еще жить и жить. Но находка оказалась слишком хорошим шансом, чтобы его терять. Предположим, он ничего бы не сказал и позволил Элейн просто так носить кольцо, а потом в один прекрасный день решил бы обручиться, и тогда ему пришлось бы покупать новое кольцо. Кроме того, помолвка — это всего лишь помолвка, она может длиться годами, и вовсе не значит, что нужно завтра же жениться.

* * *

Элейн не любила Джимми. Если бы она хоть раз задумалась над этим, то пришла бы к выводу, что он ей нравится. Он нравился ей больше, чем другие ее знакомые молодые люди, но других просто не было. Ни один мужчина не заходил в мастерскую, где она работала ассистенткой мисс Харви, хозяйки, и про-

давала пожилым дамам одежду, связанную двусторонней вязкой из мягчайшей двухниточной пряжи. Она познакомилась с Джимми, когда он со своим начальником прибыл, чтобы покрасить расположенную наверху квартиру мисс Харви и установить новую раковину. Это было пять лет назад.

Хотя Элейн была правшой, следующие несколько недель она обслуживала клиенток левой рукой, правую же все время держала у подбородка, чтобы было видно, как сверкает бриллиант. Они с Джимми, как и прежде, ходили в паб, Джимми, как и всегда, приходил к миссис Таунтон на чай. Элейн отпраздновала свой тридцать пятый день рождения. Они несколько раз участвовали в различных мероприятиях, устраиваемых «Белой Розой и Львом», либо вдвоем либо брали с собой миссис Таунтон и ее подружку Глэдис.

Иногда Элейн заговаривала о женитьбе, но Джимми всегда отвечал: «Мы же только что обручились!» или: «Куда нам спешить, подумаем над этим через годик или два». К тому же у них не было денег, чтобы купить или арендовать жилье. Элейн не хотела жить ни со своей матерью, ни с его. В их отношениях не было сексуальной составляющей. Хотя Джимми изредка целовал ее, но никогда не предлагал нечто большее, и Элейн убеждала себя, что никогда не согласилась бы на это, даже если б он и предложил. Она уважала его за то, что он ничего не предлагает. Куда спешить, можно вернуться к этому вопросу через годик или два.

А потом умерла мать Джимми. Она шла из магазина с тяжело нагруженной сумкой и упала замертво.

Батоны, полуфунтовые пачки масла, упаковки с бисквитами, куски чеддера, апельсины, бананы, бекон, две курицы, консервные банки с фасолью и со спагетти в томатном соусе — все это покатилося по тротуару или высыпалось в канаву. У Бетти Грекс случился тяжелейший инсульт.

Оба ее сына жили в доме с самого рождения, и ни один из них не желал съезжать. Теперь, когда некому было за ним ухаживать, Джимми решил жениться. В конце концов, он уже пять лет обручен. Кольцо, которое Элейн носила не снимая, напоминало ему об этом. Конечно, она вряд ли обрадовалась бы, если бы и свадебное кольцо нашла в дамском туалете, но, к счастью, у него осталось кольцо матери. Они поженились в Бюро записи актов на Бернт-Оак.

Грекссы жили недалеко от Северной кольцевой, в Нисдене, в доме, соединенном общими стенами с соседними зданиями. Снаружи он был оштукатурен и покрашен желтой охрой, внутри имелась маленькая ванная и кухня. Так как дом стоял на углу, в сад можно было попасть с улицы, и здесь, на этом клочке земли, заполняя почти все пространство, Кейт Грекс держал свою машину. Вернее, машины, которые постоянно менял. На момент женитьбы брата у него был красно-серебристый «Студебекер» с «плавниками».

Кейт был младше Джимми и не женат. Равнодушный к женщинам и вообще к сексу, к чтению и спорту, он был практически индифферентен ко всему остальному, кроме выпивки и машин. Причем машины он любил не водить, а чинить. Кейт разбираал машины